ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 2587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 3 ▪ 2024
Филологические науки

УДК 821.161.1
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.2
Научная статья

К. А. Ожерельев[1]
✉ ozhereljevc@yandex.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

«Огоньки болотные горели»: эволюция образа «блуждающих огней» в русской литературе XIX–XX вв. (от поэтики «страшного» до символизации)

Аннотация: В статье на материале русской литературы второй половины XIX – рубежа XX–XXI веков проанализирована эволюция одного из наиболее устойчивых образов мировой культуры – так называемых «блуждающих» (болотных, дьявольских) огней. По мнению автора исследования, данный образ, традиционно связываемый фольклорной и мифологической традициями многих народов мира с десакрализованными, «нечистыми» пространствами болота, трясины и локусами заброшенного кладбища, темного леса, в отечественной литературе и беллетристике приобретает со временем многоаспектное звучание, пройдя последовательную трансформацию от народно-поэтической семантики (лирика Л. А. Мея, К. Д. Бальмонта; малая проза О. М. Сомова) к историософской и социальной символизации, понимаемой в рассматриваемой статье в русле теории символа Ц. Тодорова (творчество А. А. Коринфского, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнедича, Н. П. Анциферова). Вместе с тем в некоторых художественных текстах таких авторов, как К. Д. Бальмонт («Забытая колокольня», 1897), М. А. Волошин («Dmetrius-imperator» (1591–1613), 1917) и, например, Н. С. Гумилев («Священные плывут и тают ночи…», 1914–1915), уже намечается переход от экспрессивной поэтики изображения «страшной» и «жуткой» болотной сферы (в духе этнографических наблюдений С. В. Максимова и Д. К. Зеленина) к символическим и философским обобщениям. Обращаясь к отдельным феноменам современного «русского литературного хоррора» (по определению М. С. Парфенова) – в частности, к прозе А. Г. Атеева, – автор статьи приходит к выводу о реверсивном (возвратном) характере функционирования указанного образа в отечественной словесности – в новейшей литературе вновь проявляется тенденция к сказочно-легендарной интерпретации «блуждающих огней» как важного атрибута «пугающей» реальности.

Ключевые слова: блуждающие огни, поэтика страшного, символизация, художественный образ, беллетристика, роды литературы, русский литературный хоррор.

Дата поступления статьи: 25 апреля 2024 г.

Для цитирования: Ожерельев К. А. (2024) «Огоньки болотные горели»: эволюция образа «блуждающих огней» в русской литературе (от поэтики «страшного» до символизации) XIX–XX вв. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 3, с. 24–36. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.2.

Scientific article

K. A. Ozhereliev[1]
✉ ozhereljevc@yandex.ru
[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

“The swamp lights were burning”: evolution of the “ignis fatuus” image in the Russian literature of 19th–20th century (from the poetics of “fear” to symbolization)

Abstract: The article analyzes the evolution of one of the most settled images of world culture i.e. the so-called “wandering” (swamp, devil) lights (ignis fatuus) on the material of the Russian literature of the second half of the XIX – the turn of the XX–XXI centuries. According to the author of the study, this image, traditionally associated by folklore

© К. А. Ожерельев, 2024

and mythological traditions of many peoples of the world with desacralized, “unclean” spaces of swamp, mire and loci of abandoned cemetery, dark forest, in Russian literature and fiction it acquires over time a multidimensional sounding, having undergone a consistent transformation from folk-poetic semantics (lyrics by L. A. Mey, K. D. Balmont; flash fiction by O. M. Somov) to historiosophic and social symbolization, understood in the article under consideration in the context of the theory of symbol by T. Todorov (the works of A. A. Korinfsky, V. I. Nemirovich-Danchenko, P. P. Gnedich, N. P. Antsiferov). At the same time, in some artistic texts of such authors as K. D. Balmont (“The Forgotten Bell Tower”, 1897), M. A. Voloshin (“Dmetrius-imperator” (1591–1613), 1917) and, for example, N. S. Gumilev (“Sacred Floating and Melting Nights”, 1914–1915) already outlines the transition from expressive poetics of depicting the “terrible” and “creepy” swamp sphere (in the spirit of ethnographic observations of S. V. Maximov and D. K. Zelenin) to symbolic and philosophical generalizations. Turning to some phenomena of contemporary “Russian literary horror” (as defined by M. S. Parfyonov), in particular, to the prose of A. G. Ateev, the author of the article comes to the conclusion about the reversive (returning) nature of the functioning of the abovementioned image in the national literature; the newest literature again shows a tendency to the fairy-tale-legendary interpretation of “wandering lights - ignis fatuus” as an important attribute of the “frightening” reality.

Keywords: wandering lights, fearful poetics of the fear, symbolization, artistic image, fiction, genera of literature, Russian literary horror.

Paper submitted: April 25, 2024.

For citation: Ozhereliev K. A. (2024) “The swamp lights were burning”: evolution of the “ignis fatuus” image in the Russian literature of 19th–20th century (from the poetics of “fear” to symbolization). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 3, pp. 24–36. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.2.

Введение

В современном российском литературоведении с начала 2000-х годов усилился интерес к изучению различных сторон и аспектов «страшного» (ужасного, жуткого и т. д.) как нравственно-эстетической категории в русской литературе. На сегодняшний день еще не написано обстоятельного и подробного, системного исследования по данной теме, однако потребность в нем давно назрела. Во-первых, отечественной литературой (как беллетристикой, так и классикой) накоплен значительный массив художественных текстов, в которых нашло отражение специфическое отношение русского культурного сознания к феномену «ужасного» и «таинственного». Трудно игнорировать тот факт, что А. С. Пушкин, Е. А. Боратынский, Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский и многие другие выдающиеся русские художники слова не только продолжили общеевропейскую традицию готического «романа тайн и ужасов», но и создали оригинальные произведения, существенно дополняющие характерную для этого типа повествования образную систематику, введя особые формы аллегоризма, при котором уже известный мотив «…становится средством обнаружения динамики разных типов сознания» (Еремеев, 1996, с. 71).

В то же время постепенное вовлечение литературы ужасов (или так называемого «хоррора») в мировом контексте в орбиту «формульной литературы», если воспользоваться терминологией Дж. Кавелти, дало определенные основания относить ее к периферийным сторонам литературного процесса. Последнее обстоятельство, к примеру, объясняет ослабленный интерес советского литературоведения к художественным текстам подобного рода. В свою очередь, начатое еще в 60-е годы XX века и оставшееся незаконченным фундаментальное исследование В. Э. Вацуро «Готический роман в России» по-прежнему является единственным крупным трудом, посвященным восприятию русскими читателями и писателями XVIII–XIX веков готической прозы, а также творческому переосмыслению отечественной словесностью образов и мотивов западноевропейской поэтики. Как отмечал сам автор, история готического романа (а вслед за ней, по нашему мнению, и любая другая история лирического, эпического или драматического жанра, включенного в контекст литературы ужасов) «…важна во многих отношениях: и для исследования эволюции читательских вкусов, и для соотношения “элитарной” и “массовой” литературы и самых этих понятий, меняющихся в своем историческом движении, и для построения исторической поэтики…» (Вацуро, 2002, с. III-IV).

В 2015 году по итогам международной научной конференции, проведенной в Пушкинском Доме, был издан сборник научных статей «Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве»

(Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве, 2015), в котором представлены различные (филологические, искусствоведческие, философские и пр.) точки зрения на природу и теоретический объем категории «ужасного» в мировой и отечественной культуре. Названный сборник, помимо содержательных, глубоких исследований, ценен и тем, что в нем отдельным разделом (составитель Е. О. Кудина) представлены первые в своем роде «Материалы к библиографии (1981-2014)» на тему «страха и ужаса в истории русской литературы и фольклора» (Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве, 2015, с. 357–377). Большой вклад в изучение темы вносят монографические исследования, посвященные генетическим связям русской литературы рубежа XIX-XX веков и древнего гностицизма (Слободнюк, 1998), мифологическим истокам поэтики страшного (Ефимова, 1997).

Стоит отметить и защищенные в разные годы диссертации, затрагивающие проблему некоторых аспектов «страшного» в русской литературе (Турьян, 1980; Соколовская, 1989; Лобыцына, 1991; Вакуленко, 1996; Бурдин, 1998; Пигин, 1999; Щалпегин, 1999; Алленова, 2000; Балашова, 2001; Болюх, 2001; Барский, 2002; Полякова, 2006; Жуков, 2007; Баль, 2011).

Предлагаемая статья на материале русской литературы второй половины XIX – рубежа XX–XXI веков обращается к анализу эволюции одного из наиболее доминантных, «знаковых» образов литературы ужасов – «блуждающих» (или болотных, дьявольских) огней. Согласно заявленной в работе гипотезе, в русской литературе (любой родовой / жанровой принадлежности) образ «блуждающих огней» претерпевает структурно-семантическую трансформацию – от воплощения поэтики «страшного» до социально-историософской символизации. Равным образом, в новейшей русской прозе проявляется реверсивная (возвратная) тенденция к трактовке данного образа в изначальном сказочно-легендарном, народно-поэтическом «пугающем» ключе.

Методы

Важность основного предмета анализа в данной статье – образа болотных, блуждающих огней – для оформления особой, «таинственной» поэтики (уже в силу пограничного, «двойственного» характера этого образа) была замечена еще в советской литературной критике и даже вынесена в заглавие одной из статей (Боровиков, 1979). Закономерно вытекающая из сложной природы ключевого образа невозможность ограничиваться только имманентным рассмотрением «внутреннего мира художественного произведения» (по Д. С. Лихачеву) определила основные методы аналитической работы с текстом: мифопоэтический, мотивный, целостный и контекстуальный.

Одно из магистральных теоретических понятий, используемых в исследовании, – символизация – рассматривается нами в рамках разработанной французским ученым-структуралистом Ц. Тодоровым теории символа. Так, согласно его тезису, при символизации «между означающим и означаемым не может быть мотивации» (Тодоров, 1998, с. 267), происходит определенная диффузия ассоциаций и тропов, символ разрастается от «слова» до «предмета», а сами ассоциации «…определяются им как явление, выходящее за пределы языка» (Заулина, 2005, с. 136). Тодоров подчеркивает, что «…символическая значимость может наслаиваться на прямое значение слов и что в определенных областях использования языка, например в поэзии, к символизации прибегают чаще, чем в иных» (Тодоров, 1998). Некоторые положения общей концепции по рецептивному осмыслению символов изложены в академической монографии П. Страка «Рождение символа: Древние читатели у границ своих текстов» (Struck, 2009).

Важное значение для подтверждения авторского тезиса об изменении характера образной доминанты «блуждающих огней» в русской литературе на рубеже XIX–XX веков (в сторону символизации) имели наблюдения Д. К. Равинского о петербургском творчестве В. И. Немировича-Данченко и П. П. Гнедича (Равинский, 2010; 2022).

Результаты

Образ «блуждающих (дьявольских) огней» является одним из самых частотных мировых фольклорно-мифологических концептов и чаще всего представляет собой таинственные, зага-

дочные природные явления в виде зыбкого свечения (не греющие «холодные огоньки», в англоязычной традиции – Will-o'-the-wisp, латинский аналог – «глупые огоньки», Ignis fatuus), наблюдаемые по ночам на глухих болотах, безлюдных полях, заброшенных кладбищах и – реже – в неосвещенном лесу. В этом первоначальном варианте указанный образ часто встречается в классических текстах литературного хоррора («Дракула» (1897) Б. Стокера) и в современной детской фантастике и фэнтези («Гарри Поттер и Кубок Огня» (2000) Дж. Роулинг, «Блуждающие огни» (2002) Ч. де Линта).

Наиболее распространенным локусом, связанным с «блуждающими огнями», принято считать болото, в силу чего данное оптическое явление, имеющее в том числе и дискуссионные научные трактовки[1], иногда обозначают как «болотные огни». Болото в славянской этнографической и этнолингвистической традициях всегда рассматривалось как субститут нечистой силы, «дурное», «нехорошее» место. Как указывает Н. И. Толстой, у западных и южных славян был широко известен сюжет былички о заблудившемся ночью молодце, которого нечистая сила (в образе черта, водяного, болотника, душ умерших или холодных огоньков) заманивает в болото, где он и гибнет (Толстой, 1995, с. 228). В «Смоленском этнографическом сборнике», составленном В. Н. Добровольским, содержится легенда о том, что «Болота созданы чертомъ – чертъ нахаркалъ ихъ (болота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутся "Крахавення")» (Смоленскій этнографическій сборнік, 1891, с. 229.). Аналогичное предание есть в сборнике белорусских народных песен и обычаев, собранных П. В. Шейном (Шейн, 1874, с. 428–429).

Стоит отметить, что народно-поэтический образ «блуждающих огней», оттеняющий по преимуществу (но не всегда) семантику «страшного» и «нечистого» мира, типичен больше для западнославянской традиции. У восточных славян он встречается реже, но вместе с тем частым свойством подобных огней является их способность указывать на зарытый клад; конститутивным признаком образа «огоньков» является также их тождественность «грешным душам, отбывающим наказание на земле» и душам «некрещеных детей, носящимся в воздухе» (Левкиевская, 2004, с. 511). По записям Д. К. Зеленина, «блуждающие огни» могли появляться на местах погребений самоубийц (в том числе – на так называемых «скудельных» кладбищах) или погибших от нечестивого недуга (пьянства, «нехороших» болезней и т. д.): «В Шацком у. Тамбовской губ., на том месте, где когда-то хоронили опойцев и удавленников, теперь видят какие-то горящие свечи» (Зеленин, 1995, с. 55). С. В. Максимов в своем фундаментальном сочинении о народных верованиях (в главе «Неведомая сила», посвященной, среди прочего, явлению «Царь-Огня») приводит следующие слова информанта («корреспондента»): «...несомнѣннымъ считается лишь то, что на болотахъ огни зажигают водяные, чтобы заманивать и топить неосторожныхъ путниковъ; на кладбищахъ огонь горитъ надъ могилами праведныхъ людей [как мы видим, это уточнение делает образ «болотных огней» не столь однозначно негативным. – К. О.]; на мѣстахъ кладовъ зажигаютъ огонь, для обмана легковѣрныхъ, охранители зарытыхъ сокровищъ – "духи-кладовики"» (Максимов, 1903, с. 223).

Разнообразные модификации подобных образных представлений мы можем наблюдать со второй половины XIX – начала XX веков в творчестве таких разных авторов, как Л. А. Мей, К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин, Н. С. Гумилев. Однако одно из первых упоминаний о загадочных огоньках появляется уже в романтической прозе – в творчестве О. М. Сомова («Бродящий огонь (Из Малороссийских былей и небылиц)», 1830). Стилизованная под южнорусскую «страшную» легенду и написанная ритмической прозой данная миниатюра обыгрывает архаичный сюжет о трагической встрече мира живых с миром мертвых. Зыбкий свет «синего перелетного огонька», который манит киевского богатыря Велесила, едущего на коне после ратных дел в родные места, оказывается не путеводным знаком и предвестием встречи с его возлюбленной, Милавой, а «обманчивым сиянием», в итоге приводящим воина сначала на кладбище, а затем – к ужасной гибели: «Печально было место, где скакал тогда богатырь: то было селение усопших – кладбище мирное. Вот синий огонек на одной могиле затеплился постоянным светом. Витязь туда... то была свежая могила – примятый дерн еще не успел подняться на ней ковром бархатным. И вдруг

[1]Например, предположение о том, что такие огни являются результатом воспламенения фосфина и метана.

синий огонек исчез – и густой мрак охватил окрестность» (Сомов, 1830). Характерно, что поначалу Велесил, в соответствии с уже упоминавшимися народными поверьями, принимает огонек за «духа, искусителя путников» и осеняет себя крестным знамением, но затем поддается гибельному соблазну и продолжает следовать за «бродящим огнем». Согласно приметам из народной культуры, на подобные свечения очень чутко реагирует домашний скот (коровы, лошади и пр.). В приведенном тексте конь богатыря, чуя присутствие нечистой силы, «храпя, перескакивает чрез ограду», «приклонив голову, бьет копытом землю» (Сомов, 1830).

Схожее переложение мотива «пляски» болотных огней, зазывающих случайного путника в трясину, можно встретить в поэзии Л. А. Мея («Огоньки», 1861), с той лишь разницей, что поэт вводит более характерный пространственный локус «ржавого болота» для усиления метафорической нюансировки. Психологическую динамику в лирическом тексте оттеняет способность пляшущих огоньков вступать в диалог с лирическим субъектом на «понятном и жгучем своем языке». В многоголосом хоре манящих огней раскрывается их земная предыстория – перед читателем в образе вспыхивающих «неживых» искр встают души некрещенных детей и самоубийц:

«Говорят... – Всепрощающей силой
Колыбель примирилась с могилой...
По зажорам, по прорубям, рытвинам, омутам, рвам
Не придется плясать уже нашим детям.

Наша мука детей искупила,
И теперь мы – не темная сила:
Мы надеемся, верим и ждем нашей пытки конца,
Чтоб зажечься в чертоге у бога-отца»
(Мей, 1972, с. 109–110).

Характерно, что Мей, подобно Сомову, указывает на неизбежную при встрече с «блуждающими огнями» тревожную реакцию запряженных в тройку коней:

«Отшарахнулись кони, рванулись;
Гривы дыбом, и ноздри раздулись:
Чуют, верно, своей необманной побудкой они,
Что не спросту в болоте зажглися огни...»
(Мей, 1972, с. 109).

Как мы видим, Л. А. Мей использует легенду о «болотной пляске» зыбких огней для обрамления лирического сюжета в духе традиционных народно-поэтических «страшных» историй.

Более сложную и многостороннюю трактовку данного образа мы встречаем в лирике раннего и зрелого русского символизма (К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин). Здесь уже намечается последовательная тенденция от преодоления поэтики «страшного» к выстраиванию свободных (символических) ассоциаций, связанных с древним культурным концептом. В ранней лирике К. Д. Бальмонта еще сохраняется интерес к фольклорно-мифологическому контексту «блуждающих огней». В хрестоматийном тексте «Камыши» (1895) из цикла «За пределы» болотные огни наделены всеми типичными свойствами, заимствованными из народных преданий и верований, – нечеткость, расплывчатость и т. д. Соседствующие образы жаб и змей выступают в стихотворении как лексические субституты (заменители) нечистой силы. Экспрессивные эпитеты («умирающий лик», «месяц багровый») и фоностилистические средства выразительности («*Т*ря*с*ина *з*амани*т*, *с*ожме*т*, *з*а*с*о*с*е*т*») усиливают семантику мортальности, жуткости. Финальный дистих акцентирует опасность не только земной гибели, но и духовной смерти:

«И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши»
(Бальмонт, 2010, т. 1, с. 59).

В посвященной датскому филологу-классику Тору Ланге (живо интересовавшемуся в свое время восточнославянским фольклором) лирической новелле «Змеиный глаз» (1895) появляется оригинальная авторская интерпретация образа болотного свечения. Блуждающий огонек здесь органично вписан в «дьявольский» хронотоп («болото», «смех», «огней полночный караван», «туман», «камыш», «свист змеи») и синонимически сближается с ярким образом змеиного глаза:

«Змеиный глаз глядит, растет,
Его лелеет Ночь.
К нему кто близко подойдет,
Уйти не может прочь»
(Бальмонт, 2010, т. 1, с. 61).

Смысловой поворот в интерпретации образа «блуждающих огней» от поэтики «страшного» к историософской символизации встречается уже в раннем поэтическом цикле К. Д. Бальмонта «Забытая колокольня» (1897), который предвосхищает философско-поэтические вариации М. А. Волошина о судьбе России. Так, лирическим субъектом Бальмонта утверждается (как непреложная истина) мистическая связь всего живого на Земле, а служение сиюминутным ложным «идеалам» расценивается как путь безумного сознания, не желающего принять «Красоту первозданных Идей». Неверные огни становятся сопутствующим образом смены цивилизаций:

«В темноте миллионы теней
Погребальным идут хороводом.
И при свете болотных огней
Исчезает народ за народом»
(Бальмонт, 2010, т. 1, с. 194).

В стихотворении «Смертью – смерть» (1899) выстраивается достаточно смелая лирическая инверсия Рая и Ада, а могильные огоньки выступают как зеркальное отражение (точнее – изнанка) высоких и недосягаемых звезд:

«Над этой ямой, вогнутой и грязной,
Те сонмы звезд, что я всегда любил,
Дымилися, в игре однообразной,
Как огоньки, что бродят меж могил,
Как хлопья пакли, массой безобразной»
(Бальмонт, 2010, т. 1, с. 311).

Схожим образом проводится сравнение в лирическом тексте «Война, не вражда» (1905):

«Бродячие огни над сумраком могильным
Считает звездами проклятая Вражда»
(Бальмонт, 2010, т. 2, с. 166).

В шестом по счету лирическом тексте («Гимн огню») из цикла «Четверогласие стихий» (1902) представлена своеобразная градация образов – от витальных к мортальным, причем образ «бродячих огней» (см.: «Как мерцанье бродячих огней») в финале пятой части меняет интонацию всего произведения на трагическую («…края облаков, / Распростерших свой траур над ликом сожженных и гаснущих дней!» [Бальмонт, 2010, т. 1, с. 321]) и усиливает эту модуляцию в шестой и седьмой (финальной) частях стихотворения. Шестая и седьмая части, в свою очередь, оформляют «ведьмический» контекст и развивают до кульминации тему смерти, что дополнительно подтверждает гибельную коннотацию образа «блуждающих огней».

Символическое расширение анализируемого художественного образа К. Д. Бальмонт проводит в стихотворении «Поэты» (1903), из цикла «Danses Macabres». «Игра кладбищенских огней» становится аналогом сказочной таинственности, которую обязан замечать и постигать настоящий поэт-творец (Бальмонт, 2010, т. 1, с. 411).

Таким образом, в поэтическом творчестве К. Д. Бальмонта присутствует, с одной стороны, фольклорно-этнографическая традиция изображения и трактовки «блуждающих огней» (в духе «страшных» преданий), а с другой стороны, начинается переход к углублению контекстуальных связей данного образа в духе символической интерпретации. Нельзя забывать, что образы трясины, болота и «обитающих» на нем огней в поэтической вселенной Бальмонта – одни из самых излюбленных. Поэт в равной степени восхищается «свежим дыханием богатой народной фантазии» книги С. В. Максимова о нечистой, неведомой и крестной силе, откуда черпает свое лирическое вдохновение (Бальмонт, 2010, т. 6, с. 585), и в то же время наполняет народно-поэтические образы сложным, многомерным, неоднозначным и почти амбивалентным содержанием. Как справедливо отмечает Ю. Снежко, часто используемый Бальмонтом образ болота «…не является неизменным. Сохраняя связанный с ним постоянный комплекс мотивов (тишины, притягательности, зыбкости, волшебности, опасности для человека), он выходит за рамки раннего диаволического дискурса в стихотворениях, где используются ресурсы фольклорной традиции <…> Являясь маркером родного пространства, наряду с полями, лесами, садами и другими природными объектами, болото практически лишается традиционно закрепленных за ним негативных коннотаций» (Снежко, 2019, с. 80). Это в полной мере применимо и к образу «блуждающих огней» в лирике К. Д. Бальмонта.

В лирике другого выдающегося символиста, М. А. Волошина, также встречаются близкие к традиционному толкованию примеры использования образа болотных огней. Например, в пятом сонете («Ах, не крещен в глубоких водах Леты…»), входящем в многочастный «венок сонетов» «Corona Astralis» (1909), наряду со смежными образами «тьмы болот», «шуршащего тростника», возникает образ блуждающих «слепых светов», метафорически соотносящихся с болотными огнями (Волошин, 2000, т. 1, с. 122). Но превалирующим художественным приемом для Волошина со временем становится уже чистая символизация, поскольку обращение поэта к темам судьбы Родины, русского мессианства, духовных опор национального бытия, «ангелов и демонов» отечественной истории и т. д. неизбежно должно было расширять потенциальные возможности любого художественного средства до уровня философского обобщения. Подобной трансформации подвергается и образ «блуждающих огней».

В стихотворении «Петроград» (1917) охваченный революционными событиями город уподоблен разгулявшемуся болоту, где торжествует нечистая сила:

«Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод»
(Волошин, 2000, т. 1, с. 255).

В одном из программных своих текстов – «Dmetrius-imperator» (1591–1613)» (1917) – М. А. Волошин оригинально выстраивает лирический рассказ – через прямую речь «ролевого героя» (по Б. О. Корману), всегда убиваемого и вечно воскресающего самозванца, который неизменно приходит на Русь в годы новой смуты, революций и восстаний как «Бич Божий» и наказание за грехи народа. Образ «блуждающих огней» в данном стихотворении выступает как символ исторического безвременья и предвестия гибели государства:

«А вокруг – вблизи и вдалеке –
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке…
Не видала Русь такого сраму!»
(Волошин, 2000, т. 1, с. 274).

В другом стихотворении, «Китеж» (1919), «бесовские огни» предстают как символ дурной бесконечности, исторического фатума, при котором Россия, погруженная в гражданскую братоубийственную войну, вынуждена вновь и вновь повторять свои роковые ошибки:

«Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы – вне нашей душной плоти,
Вне воли медного Петра –
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра»
(Волошин, 2000, т. 1, с. 279).

Лирическое творчество А. А. Коринфского содержит в себе интересные символические преломления рассматриваемого нами образа. Так, в одном из своих сонетов, поэт заостряет контраст между высокими идеалами, поиском Красоты в земной жизни и опостылевшей обыденностью, которая воплощается в развернутой метафоре болота и сбивающих с цели «блуждающих огней»:

«Болото-жизнь засасываетъ тиной;
Но я иду, еще иду, по ней, —
Охваченный стоячею трясиной,
Иду на свѣтъ блуждающихъ огней»
(Коринфскій, 1899, с. 33).

В поэтическом наследии Н. С. Гумилева также присутствуют единичные, но яркие примеры использования образа болотных огней в символическом ключе. Так, в лирическом тексте «Священные плывут и тают ночи...» (1914-1915) многогранный образ смерти (карающей и одновременно прекрасной) заключает в себе как неотъемлемый атрибут гибельную семантику, имманентно присущую зыбким, «блуждающим огням», которые соотносятся здесь со взглядом самой смерти:

«Священные плывут и тают ночи,
Проносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые, болотные огни»
(Гумилев, 1988, с. 403).

В художественном времени и пространстве указанного лирико-философского размышления причудливо переплетаются война, любовь, искусство и «хрупкая» тайна бытия.

В большой прозе В. И. Немировича-Данченко, драматургии П. П. Гнедича и мемуаристике Н. П. Анциферова образ «болотных огней» претерпевает символические метаморфозы на фоне социально-политической проблематики, поднимаемой в их произведениях. Обманчивые «огни» становятся широкой аллегорией ложных идеалов молодежи, неверного пути, на который она сбилась, когда-то погнавшись за призрачным светом ошибочно понимаемого счастья. Так, например, размышляет персонаж романа В. И. Немировича-Данченко «Болотные огни» Лев Станиславович: «Вполнѣ ясно... гдѣ же это счастіе?!. Счастіе, которое вчера еще было дѣйствительностью, ощущаемою, осязаемою?.. Неужели же такъ быстро могла исчезнуть она? Странно! ***Точно фантомы ночного тумана!*** [здесь и далее выделено нами. – К. О.] Проснулся вѣтеръ, потянулся къ нимъ, – и покорно дрогнули они нередъ нимъ... свернулись и исчезли въ высотѣ, безъ слѣда. Жалко же было его счастіе, призрачны надежды, если отъ ніхъ только и осталось всего, что нѣсколько ссадинъ на сердцѣ... Но какъ больно ноютъ эти ссадины!..» (Немирович-Данченко, 1903, с. 56–57).

Мертвенная бледность и скудость идей у современных П. П. Гнедичу молодых интеллигентов, схожая с негреющими огнями болотного пространства, была подвергнута критике в его пьесе «Болотные огни (В наши дни)». Беллетристу Крутоплясову, например, принадлежит настоящая апология мизантропии, якобы облеченная в одежды чистого эстетизма: «Пусть его! Я эстетикъ, –

я такъ переволновался этими послѣдними революціонными броженіями, что прямо хочу закрыть глаза, заткнуть уши и отдаться только одной красотѣ... Меня теперь ничто больше волновать не можетъ, – я весь выжать, какъ добрый старый лимонь. Я бы хотѣлъ, чтобъ нашъ кружокъ обратился въ тепличку, оранжерею, недоступную вліяніямъ извнѣ, – и чтобъ мы всѣ сами изъ живыхъ людей превратились въ гомункулусовъ – и сидѣли бы въ теплѣ и ватѣ. Вѣдь живые люди нестерпимо надоѣли, пора положить имъ предѣлъ» (Гнедич, 1910, с. 28–29).

В одном из эпизодов своих воспоминаний «Из дум о былом» Н. П. Анциферов приводит диалог, который ведет с автором его собеседник Всеволод Николаевич, о специфике русского духовного и земного бытия, часто стремящегося выйти за любые формальные пределы: «А к чему ведет наша бесформенность? Или к распущенности, или к нигилизму, обанкротившемуся уже лет тридцать тому назад, но все еще не изжитому. Вот все эти надрывы, вся достоевщина – ведь это все разрушает в жизни лад, тепло. Вспомни тип нашей курсистки после 1905 года: неврастенички, не знающие, что им, собственно, надо. А тут есть у жизни свое русло, созданное веками. А у нас всякая струя стремится бежать не по общему руслу, а своим особым путем. Что же без русла? Болото, в котором вязнут и гибнут жизни! Какие ‘‘светлые личности’’! – Он усмехнулся. ***– Ведь это свет – болотных огоньков, всегда блуждающий свет – гнилушек, лесных или Ивановых червячков. Он светит только во тьме, во мгле больной русской жизни. Светит, а не греет.*** А я ищу в жизни тепла!» (Анциферов, 1992, с. 251).

Наряду с этим в новейшей отечественной литературе наблюдается обратная тенденция – реверсивного (возвратного) характера функционирования образа «блуждающих огней», что, не в последнюю очередь связано с большой популярностью литературы ужасов в постсоветский период. Согласно данной тенденции, вновь актуальной становится сказочно-легендарная интерпретация образа «блуждающих (болотных, дьявольских) огней» как важного элемента «страшных» текстов. Именно такую образную мотивировку мы видим в одной из наиболее известных «ужасных» повестей талантливого журналиста и прозаика нового русского литературного «хоррора» А. Г. Атеева «Загадка старого кладбища» (1990): «Огонек между тем блуждал среди могил. Вслед за ним устремилось еще несколько огоньков, скоро их образовался целый рой.

– Кладбищенские огни – первый признак колдовства, – удовлетворенно промолвил профессор.

Валентина Сергеевна смотрела как завороженная. Будто не в собственной прихожей стояла она, а там, на Кладбище. Казалось, шагни – и ты будешь среди этих могил.

А огоньки, перелетая с одного места на другое, придавали происходящему и вовсе чувство нереальности. Чем-то древним, неведомым веяло от всего этого (Атеев, 1990).

Выводы

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Отечественной литературой, начиная с середины XIX века, активно осваивается один из наиболее известных и архаичных образов мировой культуры – «блуждающие огни».

2. В народных стилизациях О. М. Сомова, лирике Л. А. Мея и раннем творчестве К. Д. Бальмонта данный образ функционирует, опираясь на народно-поэтическую семантику и фольклорно-мифологические концепты.

3. Со временем, на рубеже XIX–XX веков, образ «блуждающих огней» отходит от поэтики изображения «страшного», «ужасного» и эволюционирует в сторону историософской и социальной символизации (произведения М. А. Волошина, А. А. Коринфского, Н. С. Гумилева, В. И. Немировича-Данченко, П. П. Гнедича, Н. П. Анциферова).

4. На современном этапе развития русской литературы (проза А. Г. Атеева), в связи с возросшим интересом к феномену «ужасного» и формированием российского литературного «хоррора», стала заметной реверсивная (возвратная) тенденция к трактовке данного образа в его первоначальном («пугающем», «таинственном») варианте.

Источники

Алленова Т. Ю. (2000) Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н. В. Гоголя: На материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». Дис. ... канд. филол. наук. М., 139 с.
Анциферов Н. П. (1992) Из дум о былом. Воспоминания. Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указатель имен А. И. Добкина. М., Феникс, Культурная инициатива, 512 с.
Атеев А. Г. (1990) Загадка старого кладбища. https://royallib.com/read/ateev_aleksey/zagadka_starogo_kladbishcha.html#0.
Балашова Е. А. (2001) Проза А. Ф. Вельтмана как явление переходной эпохи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 18 с.
Баль В. Ю. (2011) Мотив «живого портрета» в повести Н. В. Гоголя «Портрет»: текст и контекст. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 203 с.
Бальмонт К. Д. (2010) Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Полное собрание стихов 1909-1914. Кн. 1–3. Вступ. ст. В. Макарова. М., Книжный Клуб Книговек, 504 с.
Бальмонт К. Д. (2010) Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Полное собрание стихов 1909-1914. Кн. 4–7. М., Книжный Клуб Книговек, 480 с.
Бальмонт К. Д. (2010) Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Край Озириса. Где мой дом?: Очерки (1920-1923). Горные вершины: Сборник статей. Белые зарницы: Мысли и впечатления. М., Книжный Клуб Книговек, 624 с.
Барский О. В. (2002) Творчество А. С. Пушкина 1813–1824 гг. и английский «готический» роман. Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 248 с.
Болюх Е. И. (2001) Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 160 с.
Боровиков С. (1979) Болотные огни. К истории русского модернизма и декадентства. Наш современник, № 3, с. 48–62.
Бурдин В. В. (1998) Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х – 1900-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 185 с.
Вакуленко А. Г. (1996) Эволюция «страшной» баллады в творчестве русских поэтов-романтиков XIX – начала XX веков: От В. А. Жуковского до Н. С. Гумилева. Дис. ... канд. филол. наук. М., 207 с.
Вацуро В. Э. (2002) Готический роман в России. М., Новое литературное обозрение, 542 с.
Волошин М. А. (2003) Собрание сочинений: в 10 т., 17 кн. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926. Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. М., Эллис Лак, 608 с.
Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве. Сб. статей (2015) СПб.; Тверь, Изд-во Марины Батасовой, 384 с.
Гнедич П. П. (1910) Болотные огни (В наши дни): пьеса в 4 д. СПб., Т-во А. Ф. Маркс, 105 с.
Гумилев Н. С. (1988) Стихотворения и поэмы. Вступ. ст. А. И. Павловского; биогр. очерк В. В. Карпова; сост., подг. текста и примеч. М. Д. Эльзона. Л., Советский писатель, 632 с.
Еремеев А. Э. (1996) И. В. Киреевский: литературные и философско-эстетические искания (1820–1830). Монография. Омск, Омский гос. педагогический университет, 170 с.
Ефимова Е. С. (1997) Поэтика страшного в народной культуре: мифологические истоки. М., Прометей, 182 с.
Жуков А. С. (2007) Поэтика трагического и ужасного в повестях Н. В. Гоголя. Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 161 с.
Заулина О. А. (2005) Символ как стилистический прием. Вестник Чувашского университета, № 1. с. 136–140.
Зеленин Д. К. (1995) Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественною смертью и русалки. Вступ. ст. Н. И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М., Изд-во «Индрик», 432 с.
Коринфскій А. (1899) Гимнъ красотѣ и другія новыя стихотворенія. СПб., Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 316 с.
Левкиевская Е. Е. (2004) Огни блуждающие. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. К-П. Под ред. Н. И. Толстого. М., Международные отношения, с. 511–513.
Лобыцына М. В. (1991) Своеобразие русской фантастической повести 1820–1830-х гг. (Н. В. Гоголь и В. Ф. Одоевский). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 15 с.
Максимов С. В. (1903) Нечистая, невѣдомая и крестная сила. СПб., Т-во Р. Голике и А. Вильборг, IV, 526, III с.
Мей Л. А. (1972) Избранные произведения. Л., Советский писатель, 687 с.
Немирович-Данченко В. И. (1903) Болотные огни: роман в 2 ч. СПб., П. П. Сойкин, 384 с.
Пигин А. В. (1999) Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV–XX веков: Повесть о бесе Зерефере; Повесть о видении Антония Галичанина; Повесть Никодима типикариса Соловецкого о некоем иноке; Повесть о бесноватой жене Соломонии. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 48 с.
Полякова А. А. (2006) Готический канон и его трансформация в русской литературе второй половины XIX века: На материале произведений А. К. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Дис. ... канд. филол. наук. М., 189 с.
Равинский Д. К. (2010) «Болотные огни» Петербургского текста. Русское болото: между природой и культурой. Материалы международной научной конференции. Тверь, с. 111–117.

Равинский Д. К. (2022) В поисках «красоты Петербурга». Пятые Тихоновские чтения: материалы конференции: 18-19 ноября 2021 года. Науч. ред. Б. М. Кириков, И. Л. Тихонов; отв. ред. А. И. Чепель. СПб., Коло, с. 244–251.
Слободнюк С. Л. (1998) «Дьяволы» «серебряного» века: Древний гностицизм и русская литература 1890-1930 гг. СПб., Алетейя, 425 с.
Смоленскій этнографическій сборнік. Ч. 1 (1891). Сост. В. Н. Добровольский. СПб., Тип. Е. Евдокимова, 716 с.
Снежко Ю. (2019) «Я камыши пропел, как до меня не пели...»: семантика болота в поэзии К. Д. Бальмонта. Literatūra, vol. 61 (2), pp. 70–83.
Соколовская С. А. (1989) Фантастическое в философско-эстетической концепции В. Ф. Одоевского. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 18 с.
Сомов О. М. (1830) Бродящий огонь (Из Малороссийских былей и небылиц). http://literature.gothic.ru/classic/prose/somov/fire.htm.
Тодоров Ц. (1998) Теории символа. Пер. с франц. Б. Нарумова. М., Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 408 с.
Толстой Н. И. (1995) Болото. В кн.: Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А-Г. Под ред. Н. И. Толстого. М., Международные отношения, с. 228-229.
Турьян М. А. (1980) «Таинственные повести» В. Ф. Одоевского и И. С. Тургенева и проблемы русской психологической прозы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 24 с.
Шейнъ П. В. (1874) Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями: Съ прил. объясн. словаря и грамматич. примѣч. СПб., Тип. Майкова, 566 с.
Щалпегин О. Н. (1999) Своеобразие художественного мира романов А. Ф. Вельтмана. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 24 с.
Struck P. T. (2009) Birth of the Symbol: Ancient Readers at the Limits of their Texts. Oxford, Princeton University Press, 312 p.

References

Allenova T. Yu. (2000) Kategoriya irreal'nogo uzhasnogo i sposoby ee vyrazheniya v hudozhestvennom prostranstve N. V. Gogolya: Na materiale yazyka povestej "Vechera na hutore bliz Dikan'ki" i "Mirgorod" [The category of irreal horror and ways of its expression in the artistic space of N. V. Gogol: On the language of the novels "Evenings on a Farm near Dikanka" and "Mirgorod"]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 139 p. (In Russian).
Anciferov N. P. (1992) Iz dum o bylom. Vospominaniya [From the thoughts of the past. Memories]. Introductory article, compilation, notes and annotated index of names by A. I. Dobkin. Moscow, Feniks Publ., Cultural initiative, 512 p. (In Russian).
Ateev A. G. (1990) Zagadka starogo kladbishcha [The mystery of the old cemetery]. https://royallib.com/read/ateev_aleksey/zagadka_starogo_kladbishcha.html#0 (In Russian).
Balashova E. A. (2001) Proza A. F. Vel'tmana kak yavlenie perekhodnoj epohi [A. F. Veltman's prose as a phenomenon of the transitional epoch]. Abstr. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Elec, 18 p. (In Russian).
Bal' V. Yu. (2011) Motiv "zhivogo portreta" v povesti N. V. Gogolya "Portret": tekst i kontekst [The motif of "living portrait" in N. V. Gogol's story "Portrait": technique and context]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tomsk, 203 p. (In Russian).
Bal'mont K. D. (2010) Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 1. Polnoe sobranie stihov 1909-1914. Kn. 1-3 [Collected Works: in 7 vols. Vol. 1. Complete collection of poems 1909-1914. Books 1-3]. Introductory article by V. Makarov. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 504 p. (In Russian).
Bal'mont K. D. (2010) Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 2. Polnoe sobranie stihov 1909-1914. Kn. 4-7 [Collected Works: in 7 vols. Vol. 2. Complete collection of poems 1909-1914. Books 4-7]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 480 p. (In Russian).
Bal'mont K. D. (2010) Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6. Kraj Ozirisa. Gde moj dom?: Ocherki (1920-1923). Gornye vershiny: Sbornik statej. Belye zarnicy: Mysli i vpechatleniya [Collected Works: in 7 vols. Vol. 6. Edge of Osiris. Where is my home: Essays (1920-1923). Mountain peaks: Collection of articles. White Zarnitsy: Thoughts and Impressions]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 624 p. (In Russian).
Barskij O. V. (2002) Tvorchestvo A. S. Pushkina 1813 – 1824 gg. i anglijskij "goticheskij" roman [The creativity of A. S. Pushkin 1813 – 1824 and the English "gothic" novel]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Omsk, 248 p. (In Russian).
Bolyukh E. I. (2001) Zhanrovoe svoeobrazie hudozhestvennoj prozy Nadezhdy Andreevny Durovoj [Genre uniqueness of artistic prose of Nadezhda Andreyevna Durova]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tver, 160 p. (In Russian).
Borovikov S. (1979) Bolotnye ogni. K istorii russkogo modernizma i dekadentstva [Swamp Lights. To the history of Russian modernism and decadence]. Nash sovremennik – Our contemporary, no. 3, pp. 48–62 (In Russian).
Burdin V. V. (1998) Mifologicheskoe nachalo v poezii K. D. Bal'monta 1890-h – 1900-h godov [Mythological beginning in K. D. Balmont's poetry of the 1890s – 1900s]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Ivanovo, 185 p. (In Russian).
Efimova E. S. (1997) Poetika strashnogo v narodnoj kul'ture: mifologicheskie istoki [Poetics of the terrible in folk culture: mythological origins]. Moscow, Prometej Publ., 182 p. (In Russian).

Eremeyev A. E. (1996) I. V. Kireevskij: literaturnye i filosofsko-esteticheskie iskaniya (1820-1830) [I. V. Kireyevsky: literary and philosophical-aesthetic quests (1820-1830)]. Monograph. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 170 p. (In Russian).
Gnedich P. P. (1910) Bolotnye ogni (V nashi dni): p'esa v 4 d. [Swamp Lights (In Our Days): a play in 4 acts]. St. Petersburg, A. F. Marks Publ., 105 p. (In Russian).
Gumilev N. S. (1988) Stihotvoreniya i poemy [Lyrics and poems]. Introduction by A. I. Pavlovsky; biographical sketch by V. V. Karpov; composed, adapted text and notes by M. D. Elzon. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 632 p. (In Russian).
Korinfsky A. (1899) Gimn krasote i drugiya novyya stihotvoreniya [Hymn to Beauty and Other New Poems]. St. Petersburg, Y. I. Liberman Publ., 316 p. (In Russian).
Levkievskaya E. E. (2004) Ogni bluzhdayushchie [Wandering lights]. In: Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 3. K-P [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol. Vol. 3. K-P]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 511–513 (In Russian).
Lobytsyna M. V. (1991) Svoeobrazie russkoj fantasticheskoj povesti 1820-1830-h gg. (N. V. Gogol' i V. F. Odoevskij) [The peculiarity of the Russian fantasy story of the 1820-1830s (N. V. Gogol and V. F. Odoevsky)]. Abstr. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 15 p. (In Russian).
Maximov S. V. (1903) Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [Unclean, unknowable and cross power]. St. Petersburg, R. Golike and A. Wilborg Publ., IV, 526, III p. (In Russian).
Mei L. A. (1972) Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 687 p. (In Russian).
Nemirovich-Danchenko V. I. (1903) Bolotnye ogni: roman v 2 ch. [Swamp Lights: a novel in 2 parts]. St. Petersburg, P. P. Soykin Publ., 384 p. (In Russian).
Pigin A. V. (1999) Demonologicheskie skazaniya v russkoj rukopisnoj knizhnosti XIV – XX vekov: Povest' o bese Zerefere; Povest' o videnii Antoniya Galichanina; Povest' Nikodima tipikarisa Soloveckogo o nekoem inoke; Povest' o besnovatoj zhene Solomonii [Demonological tales in Russian manuscript scribes of the XIV – XX centuries: Tale of the demon Zerefer; Tale of the vision of Anthony Galichanin; Tale of Nicodemus Typikaris of Solovki about a certain monk; Tale of the demon-possessed wife Solomonia]. Abstr. Dis. ... Dr. of Philol. Sci. St. Petersburg, 48 p. (In Russian).
Polyakova A. A. (2006) Goticheskij kanon i ego transformaciya v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: Na materiale proizvedenij A. K. Tolstogo, I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova [Gothic canon and its transformation in Russian literature of the second half of the XIX century: On the material of works by A. K. Tolstoy, I. S. Turgenev and A. P. Chekhov]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 189 p. (In Russian).
Ravinsky D. K. (2010) "Bolotnye ogni" Peterburgskogo teksta [Petersburg Text's "Swamp Lights"]. Russian Swamp: Between Nature and Culture: Proceedings of the International Scientific Conference. Tver, pp. 111–117 (In Russian).
Ravinsky D. K. (2022) V poiskah "krasoty Peterburga" [In search of the "beauty of Petersburg"]. Fifth Tikhonov Readings. Conference materials: November 18-19, 2021. Scientific ed. B. M. Kirikov, I. L. Tikhonov; rev. ed. A. I. Chepel. St. Petersburg, Kolo Publ., pp. 244–251 (In Russian).
Shein P. V. (1874) Belorusskiya narodnyya pesni s otnosyashchimisya k nim obryadami, obychayami i sueveriyami: S pril. obyasn. slovarya i grammatich. primech. [Belarusian folk songs with rites, customs and superstitions related to them: With an appendix of an explanatory dictionary and grammatical notes]. St. Petersburg, Maykov Publ., 566 p. (In Russian).
Shchalpegin O. N. (1999) Svoeobrazie hudozhestvennogo mira romanov A. F. Vel'tmana [The Uniqueness of the Artistic World of A. F. Veltman's Novels]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 24 p. (In Russian).
Slobodnyuk S. L. (1998) "D'yavoly" "serebryanogo" veka: Drevnij gnosticizm i russkaya literatura 1890-1930 gg. ["Devils" of the "Silver" Age: Ancient Gnosticism and Russian Literature 1890-1930]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 425 p. (In Russian).
Smolenskij etnograficheskij sbornik. Ch. 1 (1891) [Smolensk ethnographic collection. P. 1]. Compiled by V. N. Dobrovolsky. St. Petersburg, E. Evdokimov Publ., 716 p. (In Russian).
Snezhko Yu. (2019) "Ya kamyshi propel, kak do menya ne peli...": semantika bolota v poezii K. D. Bal'monta ["I sang the reeds as they have not sung before me...": the semantics of the swamp in the poetry of K. D. Balmont]. Literatūra, vol. 61 (2), pp. 70–83 (In Russian).
Sokolovskaya S. A. (1989) Fantasticheskoe v filosofsko-esteticheskoj koncepcii V. F. Odoevskogo [The fantastic in the philosophical and aesthetic concept of V. F. Odoevsky]. Abstr. Dis. ... Cand. of Philos. Sci. Moscow, 18 p. (In Russian).
Somov O. M. (1830) Brodyashchij ogon' (Iz Malorossijskih bylej i nebylic) [Wandering fire (From Malorossiya by-likes and anecdotes)]. http://literature.gothic.ru/classic/prose/somov/fire.htm (In Russian).
Struck P. T. (2009) Birth of the Symbol: Ancient Readers at the Limits of their Texts. Oxford, Princeton University Press, 312 p.
Todorov C. (1998) Teorii simvola [Theories of the Symbol]. Translated from french by B. Narumov. Moscow, Dom intellektual'noj knigi Publ., Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 408 p. (In Russian).
Tolstoy N. I. (1995) Boloto [Swamp]. In: Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 1. A-G. [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 1. A-G]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 228-229 (In Russian).
Turyan M. A. (1980) "Tainstvennye povesti" V. F. Odoevskogo i I. S. Turgeneva i problemy russkoj psihologicheskoj prozy ["Mystery stories" by V. F. Odoevsky and I. S. Turgenev and the problems of Russian psychological prose]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Leningrad, 24 p. (In Russian).

Vakulenko A. G. (1996) Evolyuciya “strashnoj” ballady v tvorchestve russkih poetov-romantikov XIX – nachala XX vekov: Ot V. A. ZHukovskogo do N. S. Gumileva [Evolution of the “terrible” ballad in the works of Russian romantic poets of the XIX – early XX centuries: From V. A. Zhukovsky to N. S. Gumilev]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 207 p. (In Russian).
Vatsuro V. E. (2002) Goticheskij roman v Rossii [Gothic novel in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 542 p. (In Russian).
Voloshin M. A. (2003) Sobranie sochinenij: v 10 t., 17 kn. T. 1. Stihotvoreniya i poemy 1899–1926 [Collected Works: in 10 vol., 17 books, Vol. 1. Poems and poems 1899–1926]. Edited and prepared text by V. P. Kupchenko, A. A. Kupchenko. P. Kupchenko, A. V. Lavrova; commentary. V. P. Kupchenko. Moscow, Ellis Luck Publ., 608 p. (In Russian).
Vse strahi mira: Horror v literature i iskusstve (2015) [All the Fears of the World: Horror in Literature and Art]. Collection of articles. St. Petersburg; Tver, Marina Batasova Publ., 384 p. (In Russian).
Zaulina O. A. (2005) Simvol kak stilisticheskij priem [Symbol as a stylistic technique]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, no. 1, pp. 136–140 (In Russian).
Zelenin D. K. (1995) Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii. Umershie neestestvennoyu smert’yu i rusalki [Selected Works. Essays on Russian mythology. Died unnatural death and mermaids]. Introd. art. N. I. Tolstoy; text preparation, commentary, index. E. E. Levkievskaya. Moscow, Indrik Publ., 432 p. (In Russian).
Zhukov A. S. (2007) Poetika tragicheskogo i uzhasnogo v povestyah N. V. Gogolya [Poetics of the tragic and terrible in the novels of N. V. Gogol]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Samara, 161 p. (In Russian).

Информация об авторе

Константин Анатольевич Ожерельев
Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0009-0002-9077-8424.
E-mail: ozhereljevc@yandex.ru

Autor’s information

Konstantin A. Ozhereliev
Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of Philology, Journalism and Mass Communications. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0009-0002-9077-8424.
E-mail: ozhereljevc@yandex.ru